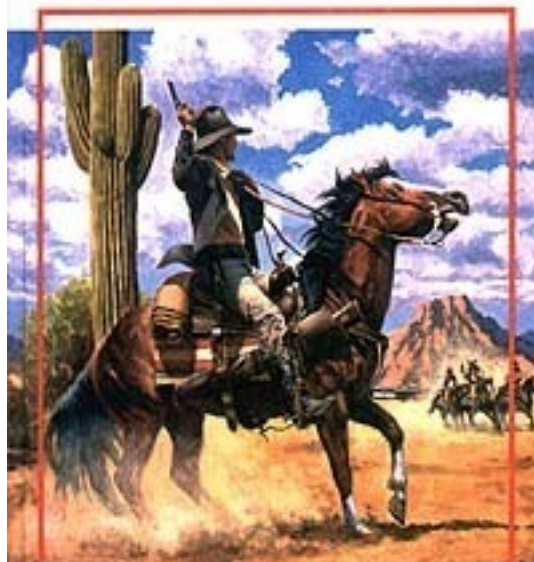

 ВИНЧЕСТЕР
ЛУЧШИЕ ВЕСТЕРНЫ

МАКС БРЭНД
ОДИНОЧКА-ДЖЕК

Макс Брэнд

Одиночка Джек

«Центрполиграф»

Брэнд М.

Одиночка Джек / М. Брэнд — «Центрполиграф»,

Одинокий человек («Одиночка Джек») с огромной собакой и револьвером появляется в Джовилле – городе, где царит всемогущий Алек Шодресс. Его слово было законом. На стороне бандитов – сила большинства. Но победа – там, где честь, справедливость и Одиночка Джек.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	22
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	31
Глава 10	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Макс Брэнд

Одиночка Джек

Глава 1

Стальной человек

Медленно текли темные воды Ист-Ривер, и «Нэнси Лу», покачиваясь, приподнималась и опускалась на волне. Ночь была тихая, лунная, и двое мужчин на палубе дремали под легкий плеск воды. На реке стояла такая тишь, какой не бывает в городе. Гул Манхэттена никогда не стихает, и где-то за спиной бормочет Бруклин, но все эти звуки были сейчас далеко. Ближе и тревожней – буксиры, пыхтящие на пути к острову Блэкуэлл; а вот пассажирское судно из Бостона, видение из света и теней, проходит мимо, и глубоко внутри его урчат машины. Но в целом река спокойна, только издали доносится слабый городской шум.

У тех двоих, что расположились на широком полуюте яхточки, была бутылка охлажденного вина и сигары, чтобы продлить тепло вечера, прежде чем придет ночная прохлада. Они лишь изредка шевелились, перебрасываясь обрывками фраз. Но собака, прикованная короткой цепью к крышке люка, ни минуты не сидела на месте. Иногда, насколько позволяла цепь, она бросалась к борту яхты или принималась царапать когтями палубу. Снова и снова пес поднимал массивную голову, ошетиновая густую шерсть на загривке и торчком ставя короткие острые угли – как на голове волка, – и из его глотки вырывался низкий, дикий вой, разносившийся над рекой.

– Уйми его! – попросил Дэвид Эпперли, младший из двоих братьев. – Уйми же его наконец, Эндрю. У меня кровь стынет, когда я его слышу.

– Да пусть Команч поет. – Второй брат хмыкнул. – Бедный чертяка не развлекался с тех самых пор, как я его поймал.

– А как он развлекался?

– Он сожрал семь собак из моих двенадцати; ясно, это для него развлечение.

– Семь из двенадцати! Ты что, натравил на него шелудивых дворняжек?

– Я тебе скажу, что это были за псы. Здоровенные дьяволы! Старые, матерые волкодавы. Быстрые, как борзые, а хватка, как у мастиффов. Вдвоем-втроем они брали любого волка. А вот Команча взять не смогли. Это была свалка, доложу я тебе! Я до смерти был рад, когда мы заарканили его! Бог ты мой, Дэйв, он разодрал два ремня, будто у него не зубы, а стальные клинки!

– Веревка, наверное, была гнилая.

– Веревка, говоришь? Сыромятные ремни! Точно гибкая сталь. Но его зубы – тоже закаленная сталь! Заткнись же, Команч!

Эндрю прикрикнул на волкоподобного пса, огромное тело которого сотрясилось от воя. Пес оборвал вой и внезапно прыгнул на обидчика, сколько позволила цепь. Широкий ошейник дернул его назад, зубы щелкнули, глаза вспыхнули зеленым огнем ненависти, когда он пытался дотянуться до хозяина.

– Ну разве не милашка? – спросил Эндрю Эпперли.

– В один прекрасный день он оборвет эту ржавую цепь. И прикончит тебя, Энди.

Брат кивнул.

– Я завтра же заменю ее!

– Замени лучше волка. Ларкин его не возьмет. Ты обещал мне, что уберешь этого четвероногого убийцу, если Ларкин не сможет его укротить. Ларкин приручал и пантер, и тигров, но считает, что с этой тварью он ничего не может поделать.

– В общем-то скверный пес, – согласился старший брат. – Но думаю, подберу ключик к его сердцу. Хочется думать, что он полюбит меня так же сильно, как сейчас ненавидит. Ну, скажи, псина, правда?

– Чего ради, Эндрю? Даже если тебе удастся то, чего не удавалось еще никому?

– Чего ради, спрашиваешь ты? Это же лучший в мире телохранитель. Нам на Западе понадобятся телохранители. Я знаю с дюжину деловых ребят, которые будут счастливы всадить мне пулю между лопаток. А такая собачка...

– Собачка? Не путай, Эндрю, на нем прямо-таки написано, что он волк!

– Взгляни на него повнимательней! Дикие волки ниже. И потом, он коричневого окраса. Вообще его шкура красивей, чем у волка. А главное, когда я взвесил его, – Команч был тощий, хуже, чем сейчас, – он потянул на сто пятьдесят фунтов. Дикие волки никогда не бывают такими здоровенными. Нет, Дэйв, в нем, несомненно, течет собачья кровь, может быть, даже сенбернара.

– Не буду с тобой спорить, – проворчал Дэвид Эпперли. – Не хочу! Ты ждешь, что в нем проснутся собачьи инстинкты, но, согласись, собаки так не воют. Они лают и скулят. А этот зверь только воеет и рычит. – Дэвид откинулся в кресле, продолжая бормотать: – И не хочу заставлять тебя оправдываться. У каждого человека свои слабости. А кроме того, личный волк – это здорово смотрится.

– Не язви. На самом деле я так не думаю. Но он нейдет у меня с ума. Он как картина, которую хочется разглядывать и разглядывать. Потому что он герой, Дэйв. Ах, парень, если бы ты видел, как он прокладывал себе путь через свору моих собак, ты бы полюбил его! Я уже взял его на мушку. И он прекрасно понимал, что ему конец, но вместо того, чтобы убраться прочь, поджав хвост, он поднял голову и смело посмотрел мне в глаза, как не знаю кто, и плевал на то, что я хотел сделать в ту минуту. И я не смог его убить. Я и сейчас не могу его убить, и он возвращается со мной в мои края...

– В твои края? – холодно отозвался Дэйв.

В разговоре возникла короткая пауза. Братья были родом из старинной семьи с традициями, много поколений которой жили в Нью-Йорке. Семья росла и богатела вместе с городом. Но Эндрю решил попытать счастья на Западе. Как-то случайная охотничья поездка открыла ему те края, и он решил там остаться. А нынешнее путешествие на Восток предпринял только для того, чтобы пригласить младшего брата поехать вместе с ним, но для Дэвида оставить Нью-Йорк было чем-то вроде предательства, и он смотрел на смену фамильного местожительства примерно так же как на смену гражданства. Это была болезненная тема, и уже немало горьких слов сказали они друг другу. Так что сейчас они молчали.

– Короче говоря, – наконец сказал Дэвид, – ты энтузиаст, старик. Ты веришь в ту страну, потому что разбогател там.

– Ничего подобного! Я верю в ту страну, потому что она стоит того, чтоб в нее верили!

– Пол-унции культуры на квадратную милю.

– А может, и еще меньше. Но культура для меня – роскошь, а не то, без чего жить невозможно. Если в тебе течет та же кровь, ты согласишься со мной! Однако не собираюсь уговаривать тебя ехать со мной на Запад, так же как не уговариваю поверить, что Команч – не чисто-кровный волк!

Дэвид коротко рассмеялся.

– Скажу тебе, что я сделаю, – заявил он. – Даю слово поехать с тобой на Запад, на твое ранчо, и попытаюсь полюбить тамошнюю дикую жизнь. Однако это произойдет не ранее, чем я увижу храбреца, который положит руку на голову Команча – когда пес будет без намордника!

Опять наступило молчание. Команч притих. Но вдруг из большого квадратного строения на острове Блэкуэлл раздался внезапный взрыв криков. Братья знали, что это тюрьма.

Эхо залпов повторилось несколько раз.

До них доносились далекие голоса, отдающие приказы, и короткие ответы. Потом по черной глади Ист-Ривер заскользил огромный слепящий глаз прожектора.

– Кто-то сбежал, – сказал Эндрю Эпперли. – Какой-то бедняга сумел вырваться оттуда и сейчас уже на воле. Вон идет один из сторожевых катеров!

Они увидели длинный темный корпус, вспарывающий воду. Множество искр рассыпалось вокруг трубы быстро идущего судна, и позади него шлейфом белела пенная дорожка.

– У охранников достаточно всего, чтобы бедолаге очень скоро стало жарко, – заметил Дэвид, когда они с братом подошли к борту яхточки. – Там впереди что, пулемет Гатлинга?

– Да, и еще один сзади.

– И они могут стрелять быстрее и точнее, чем ваши западные головорезы?

– Не знаю, – спокойно ответил Эндрю. – Я видел парня, который орудовал парой кольтов так, что от начала до конца слышен был только один сплошной треск. Эй, смотри-ка, они что, засекли его?

Сторожевой катер резко развернулся и пошел против течения, вздымая по бокам высокие острые волны. Братья видели, что люди в форме, с блестящими винтовками в руках столпились на носу быстроходного катера.

В то же время прожектор на судне и прожектор на тюремной вышке сошлись в одной точке на поверхности реки, и два наблюдателя на яхточке отчетливо увидели голову пловца, с трудом преодолевающего течение.

– Они его засекли, – сказал Эндрю Эпперли.

– Вот рискованный малый! – восхищенно воскликнул Дэвид. – Он не сдастся. Слушай, Энди, он что, плывет напрямиком вон к тому пассажирскому кораблю?

Громада Бостонского пассажирского скользила по течению, и, к восторгу братьев, пловец повернул и устремился наперерез курсу быстроходного корабля.

– Он или вырвется, или умрет! – воскликнул Эндрю. – У этого парня стальная воля, Дэйв. Смотри, катер его догнал! Команч, спокойно!

Огромный пес издал яростный вой и бешено рванулся, оборвав цепь. В тот же миг беглый заключенный нырнул прямо под скоростной катер, и большой корабль прошел мимо него.

Глава 2

Собачья кровь и волчья кровь

– Он погиб! – воскликнул Эндрю Эпперли. – Жуткое зрелище, брат!

– Скорее всего, это убийца, – спокойно сказал Дэвид. – Он собственной рукой совершил ту кару, которую не пожелал принять от закона. Нам не стоит расточать сожаления по поводу такого человека, каким он, наверное, был. Посмотри, как суетится сторожевик: наверное, желает убедиться, что беглец и вправду погиб!

Пассажирский корабль тем временем прошел мимо, и высокая кильватерная волна от него подбрасывала яхту братьев вверх-вниз, а сторожевой катер все еще сновал и сновал по реке, разыскивая смельчака. Но явно безуспешно. И слепящий луч тюремного прожектора заметался еще быстрее, направляя временами яркий свет прямо в глаза братьев.

– Почему вдруг притих Команч? – спросил наконец Дэвид, прислушиваясь к воцарившейся на яхте тишине.

– Кстати, где же пес? Господи, он оборвал цепь!

Цепь лежала тут же, на палубе, как дохлая змея. Видимо, она порвалась прямо у ошейника, когда здоровенный зверь натянул ее и рванулся к свободе.

– Осмотри палубу! – быстро сказал Эндрю Эпперли.

Он поспешно сбежал вниз. Но почти сразу вернулся; лицо его было мрачно.

– Команч, должно быть, уже добрался до берега, – предположил Эндрю.

– Мы видели его в последний раз. Он промчится сквозь город как молния и выскочит на простор. Говорю тебе, Дэйв, лучше потерять десять тысяч долларов, чем этого монстра. Сдается мне, что мы его никогда больше не увидим!

– Вот и слава Богу, – ответил Дэвид. – Но не лучше ли нам будет сообщить о его побеге на берег? Дикий бешеный волк несется по улицам...

– Слишком поздно! Куда бы он ни летел, он мчится что есть духу, а я знаю, как он умеет бегать. Постой-ка, что это?

Эндрю, вытянув руку, показывал на темную гладь реки, и Дэвид, всмотревшись, увидел, как что-то медленно плывет против приливного течения. Секунду спустя он посмотрел опять, и ему показалось, что там, на водной глади, маячат две фигуры. Они подплыли на яхте ближе, и теперь четче стала видна не только большая голова и торчащие уши Команча, но и тело мужчины, которого он волок за собой.

– Ты видишь? Ты видишь? – выдохнул Эндрю Эпперли. – Что ты теперь скажешь, брат, насчет волка? Ты когда-нибудь слышал, чтобы волк прыгнул в реку и вытащил тонущего человека? Есть в нем собачья кровь или нет?

Они перебежали на нос судна, потому что именно к носу продвигался по воде Команч, продвигался с трудом, хотя было ясно, что он отличный пловец и, конечно, преодолеет силу приливного течения.

Эндрю Эпперли подскочил к швартовым и, насколько мог, вытянул вниз руку, пытаясь ухватить Команча за густую шерсть на загривке. В этот момент река поднесла животное ближе к яхте и он потащил собаку из воды. Понадобилась не только вся сила Эндрю, но и помощь Дэвида, чтобы поднять измученного пса на палубу.

Вытащить мужчину, который вцепился в Команча, оказалось несколько легче, потому что надо было торопиться: подгоняли шум и гам, доносившиеся с Блэкуэлла, мелькание прожекторов и суета на сторожевом катере, поднявшаяся из-за худощавого парня, которому на вид оказалось не больше двадцати. Эндрю передал его Дэвиду, и тот выволок парня в полубессознательном состоянии на палубу. Но в следующее мгновение он вскочил с испуганным воплем.

– Эндрю! Этот чертов волк чуть меня не цапнул, а сейчас приканчивает парня из реки... держи его... пресвятые небеса!

Он замолчал, и старший брат, вскарабкавшись на палубу, застал странную картину.

Спасенный лежал, вытянувшись во весь рост, повернув лицо к звездам, и из его груди вырывалось хриплое дыхание. Над его головой сидел Команч, его лапы дрожали от слабости, но к нему на глазах возвращались ярость и злоба.

– Пресвятые небеса! – воскликнул Эндрю. – Да он о нем заботится!

– Просигналь сторожевику, – сказал Дэвид.

– Ни за что! Вернуть этого беднягу в лапы закона, после того как Команч вытащил его из воды?! Даже и не думай, что я это сделаю, Дэйв. Но как оказать ему помощь, пока эта тварь торчит над ним?

– Не знаю! Страннее я еще ничего не видывал в жизни! Этот зверь меня совершенно с толку сбил. Что стряслось с его башкой?

– Собачья кровь, Дэйв, собачья кровь. Не ты, не прочие знатоки, а я оказался прав! Это не чистопородный волк! Но наш приятель из речки, похоже, начинает приходить в себя. Он выкарабкается. Как же ему, однако, удалось не угодить под корабль? Тот, казалось, прошел напрямик через него!

– Он, должно быть, нырнул и плыл под днищем, пока оно не кончилось.

Беглец приподнялся и сел, его покачивало, а Команч зарычал, не открывая рта, и притиснулся к нему поближе.

– Осторожно! – предупредил Эндрю Эпперли. – Эта собака опасна, дружок.

– Эта собака опасна? – переспросил человек, выуженный из реки. Тут он негромко засмеялся, и его рука обвилась вокруг шеи Команча. – Опасна? – повторил беглец.

А Команч повернулся и лизнул лицо спасенного им человека. Братья от удивления и восторженного ужаса не могли вымолвить ни слова.

– Я бы передал вам кое-что, – сказал наконец Эндрю, – если б смог пронести это мимо Команча.

– Вы уже достаточно дали мне, – заверил беглец. – Через минуту я буду на ногах, а потом смоюсь на берег.

– Каким образом вам удалось не угодить под корабль?

– Счастливый случай. Они были прямо у меня над головой и орали, что будут палить из «гатлинга», если я не остановлюсь и не сдамся им в руки. Но мне нужно было добраться до большого корабля, и я делал для этого все возможное, а потом нырнул.

Он закрыл глаза. Его ноздри затрепетали, и он глубоко вздохнул.

– Плавать – не мое призвание, – проговорил он все еще с закрытыми глазами.

Потом, сделав над собой усилие, стал подниматься на ноги. Шагнул к поручням того борта, где был берег, но было видно, что его ноги подкашивались.

Легко было догадаться, что помешало ему исполнить задуманное, потому что капитан сторожевого катера, очевидно, догадался, что произошло, и внезапно направился напрямик к яхте.

– Вам знакомо мое лицо? – быстро спросил беглец.

– Нет, – ответил Дэвид Эпперли.

– Вы когда-нибудь слышали имя Джек Димз?

– Нет.

– Подумайте хорошенько!

– Погоди-ка! Это Одиночка Джек Димз?

– Это вас напугало?

Братья молчали.

– Я спущусь вниз в каюту, – сказал беглец. – Когда они захотят обыскать яхту, может быть, вы сможете их не впустить... Если так случится, вы спасете мне жизнь. Правда, весьма возможно, вы не пожелаете связываться с ними. В таком случае я получу то, что мне положено. Так или иначе, я буду ждать внизу.

Как ни был измучен беглец, как ни были истощены его физические силы, разум, вне всякого сомнения, все воспринимал ясно и четко. Он овладел своим голосом, прежде чем объяснить все это. Но когда стал спускаться в маленький люк, его сильно шатало. Команч с рычанием сопровождал его и исчез следом за ним.

В тот же миг слепящий луч прожектора со сторожевого катера упал на лица братьев.

– Ну что, Дэйв, – сказал старший, – что будем делать? Попытаемся его спасти?

– Черта с два! Мне, Энди, это не нравится. Кого угодно, только не Одиночку Джека!

– Я никогда не слышал о нем прежде.

– Не слышал? Да, правда, ведь он объявился лет семь или восемь назад, а ты уехал отсюда раньше. Одиночка Джек! Говорю тебе, для него убить человека – все равно что для нас с тобой зарезать цыпленка!

– Да ну! Семь-восемь лет, говоришь? Ему ведь не больше двадцати двух!

– Он начал заниматься этим сызмальства. А вот и катер. Слава тебе Господи, сейчас мы избавимся от него и умоем руки.

– Как Пилат?

– Что ты городишь, Энди? При чем тут Пилат?

– Дэйв, признаю, что я не в ладах с логикой. Но говорю тебе, я не собираюсь сдавать этого юного паршивца, когда в состоянии ему помочь. Что-то в нем есть такое, что меня очень привлекает.

– Вроде собачьей крови в твоём волке, – саркастически выдавил из себя Дэйв. – А в этом молодце, уверен, есть волчья кровь. Ладно, Энди, можешь говорить что хочешь, но я не собираюсь в это ввязываться. Одиночка Джек Димз заслуживает виселицы, и всякий порядочный гражданин должен помочь накинуть на него петлю!

– А я не порядочный гражданин, братец, – ответил Эндрю. – Я просто человек. Во имя неба, Дэйв, если парень способен так приручить пса, как этот приручил Команча, значит, в нем есть что-то необыкновенное, а этого не так уж и мало! Он обнимал его за глею, ты видел?

– Очень трогательно! – буркнул Дэвид. – Ну, не буду вмешиваться, выпутывайся сам, как знаешь!

Бросившись в шезлонг, Дэвид откусил кончик сигары и сердито сжал ее в зубах.

Эндрю с сомнением поглядел на спину брата, в раздумье пожал плечами. Много лет он был для этого юноши наполовину братом, наполовину отцом, но никогда еще тот так не раздражал его, как в эту ночь.

Еще раз взглянув на темное отверстие люка, Эндрю повернулся, чтобы встретить лицом к лицу дотошных тюремщиков со сторожевого катера, который мягко скользил к борту яхты.

Глава 3

Охотник на людей

– Эй, на яхте!

– Слышу вас, на катере.

– Мы швартуемся к вам. Быстро багры!

Низко сидящее быстроходное судно остановилось рядом, его машины урчали со сдержанной силой.

– Кто здесь главный?

– Я, – ответил Эндрю Эпперли.

– Минуту назад одному из наших людей показалось, что он видел сбежавшего заключенного, плывущего к вашей посудине. Мог он добраться до вас и спрятаться внизу?

– Исключено, – твердо ответил Эндрю. – Здесь нет иллюминаторов, через которые можно пробраться внутрь. Если бы он поднялся на борт, ему пришлось бы пересечь палубу, а мы не покидали ее с тех пор, как началась погоня.

– Как ваше имя, простите?

– Эндрю Эпперли. А это Дэвид Эпперли, мой брат.

– Дэвид Эпперли! О, он не из тех, кто ввязывается в такие игры. Я читал о вас, мистер Эпперли!

Человек с уважением кивнул Дэвиду.

– Только, – продолжил он, – тип, за которым мы гонимся, пострашнее любого тигра или льва, с которым вы имели дело, мистер Эпперли! Это Одиночка Джек Димз – вы наверняка о таком слышали!

– Я знаю о нем, но только из газет. А пресса, как известно, живет дутыми сенсациями.

– Им нечего раздувать насчет Димза. Он как будто нарочно родился для того, чтобы служить пищей для газет.

– За какое преступление он попал на Блэкуэлл?

– Никто точно не знает, но кажется, что там было что-то вроде подлога, а еще скандал с иммигрантами. За этим стоят люди куда повыше Димза.

– Его допрашивали?

– Пытались. Точно с таким успехом можно допрашивать змею или ящерицу. Выяснить, что у Одиночки Джека в голове, может разве что пуля! Теперь он опять выскользнул из рук. Надзирателя за это уж точно уволят с работы!

– А раньше он сбегал?

– Его ни разу еще не удалось додержать до суда. Он всегда сматывался по-быстрому. Его ловили пять раз до этого; нынче, если поймают, это будет шестой. Все думают, что у него есть кто-то наверху, уж слишком хорошо удаются ему побеги. Но точно никто не знает, как все это у него получается. Скользкий дьявол!

Полицейский сержант – командир катера – который ходил взад-вперед по палубе, остановился у крышки люка.

– Конечно, – сказал он, – Одиночка Джек может превратиться в невидимку. Он может проскользнуть по палубе, пока вы на секунду отвернулись в другую сторону, вполне может быть сейчас внизу и подслушивать наш разговор...

Собственное предположение заставило его поспешно отступить от отверстия люка.

– Ищите, где хотите, – махнул рукой Эндрю Эпперли, – но не могу вас не предостеречь: если вы спуститесь в каюту, вы сильно рискуете.

– Рисуем? – рявкнул сержант, резко изменив голос. – Петерс, Свейн, быстро сюда. Спуститесь вниз, обшарьте каюту и выясните, что там такое. Да живей поворачивайтесь!

Эндрю Эпперли пожал плечами, а Дэвид прошептал, все более тревожась:

– Что будет, если они найдут там Димза? Они подумают, что мы его укрываем! У нас обоих будут неприятности, Энди!

– Заткнись, Дэвид! Доведем дело до конца, раз уж начали. Но думаю, все обойдется!

В это время бравые Свейн и Петерс начали спускаться один за другим по узкому трапу. Вдруг из глубины кабины раздался жуткий рык и угрожающее ворчание.

Свейн и Петерс быстро вылетели обратно на палубу.

– Мы ищем человека. А там внизу лев или что-то вроде того! – сказал один из них.

– Что там, Эпперли? – потребовал сержант, чьи подозрения еще более усилились.

– Ничего особенного, – сказал Эндрю, – кроме опасности, о которой я попытался вас предупредить, да вы не стали слушать. Я хочу сказать, что там, внизу, моя собака. Пес оборвал цепь и сбежал вниз. Он слишком дикий, чтоб с ним поладить, поэтому мы морим его голодом и ждем, когда сможем с ним как-то управиться. Это бешеный дьявол, сержант!

– Ах, дьявол? Дьявол?! – прорычал сержант с угрозой в голосе. – Ну вот что, Эпперли! Никто не держит собаку, которая не отзывается на собственную кличку. Позовите-ка этого вашего пса, и мы наконец обыщем эту каюту.

– Команч! Ко мне, песик! – послушно позвал Эндрю.

В ответ из темной глубины под крышкой люка раздалось такое душераздирающее рычание, что вздрогнул даже хладнокровный сержант.

– Хотел бы я взглянуть на эту собаку, – пробормотал он.

– Это скорее волк, чем собака, – сказал Эндрю. – И силач, каких мало. Вот цепь, которую он оборвал, прежде чем шмыгнуть в каюту.

Сержант подобрал обрывки и проверил прочность звеньев, потом осмотрел сломанное звено, острые края которого отливали сталью.

– Я бы сказал, – заметил он, – что не всякая лошадь справится с такой цепью. И что, ее порвал пес?

– Вот именно. Пес, который весит столько, сколько я.

Сержант был поражен. В глубине души он всегда оставался простым охотником, и лишь по стечению обстоятельств объектом его преследования стали не звери, а люди.

Теперь все его охотничьи инстинкты выиграли в нем и взяли верх над осторожностью.

– Я хочу увидеть это чудовище, – заявил он. – Я вернусь сюда днем и взгляну на него. Да, видимо, зверюга вроде этой не лучшая компания для любого чужака, который окажется рядом.

Эндрю Эпперли спокойно сказал:

– Я видел, как Команч покончил однажды с мастиффом одним ударом лапы.

– Ну да? Тогда какие шансы у человека, который проберется к нему в темноте?

– Думаю, ни единого!

Казалось, Эндрю уже выиграл схватку, и сержант повернулся было к поручням яхты. Но вдруг он как-то неловко затоптался.

– Вот что я вам скажу, – пробормотал он. – У меня есть кое-что, что, скорее всего, поможет вам справиться с Команчем. По крайней мере, он появится у выхода, уж будьте уверены. Это такая маленькая вонючая бомбочка. Разрушений не будет, но в одну минуту кабина наполнится дымом, и Команч захочет глотнуть свежего воздуха. Таким образом он наверняка попадет к вам в руки. Петерс, Лорен, Грегг, вы и еще шестеро встаньте здесь с веревками. Свейн, принеси мне дымовую шашку. Один из вас откроет дверь каюты...

– Чтоб этот дьявол-волк на меня набросился? – проворчал Свейн, на которого указал сержант.

– Ну так я сам это сделаю! – возбужденно проговорил сержант.

– Останови его! – выдохнул Дэвид Эпперли.

Но Эндрю оставался холоден как сталь.

– Он использует свой шанс. Это его профессия. Кроме того, не думаю, что Одиночка Джек принадлежит к тому сорту людей, которых убивают в темноте, когда есть возможность избежать этого.

– Но что же можно сделать?

– Тихо! Вот он пошел. Бедняга сержант! Команч разорвет его горло! Я не в состоянии его остановить!

Эндрю подбежал к сержанту.

– Этот пес вас разорвет, предупреждаю!

– Что ж, любой человек когда-нибудь умирает! – бодро сказал сержант.

Он распахнул дверь каюты и быстро выпрыгнул на палубу, сжимая в руке револьвер и готовый встретить любую неожиданность.

Но в глубине каюты никто не шевелился. Все было тихо. Огромный зверь не издавал ни звука.

– Может быть, он сейчас подкрадывается к вам, сержант! – предостерег Эндрю Эпперли.

– Ничего, мы скоро получим малыша, – ответил сержант. – Вот бомба. Когда я швырну ее в люк, вам покажется, что оттуда вырвался огонь. Но не беспокойтесь. От нее бывает только дым. Вам не придется спасаться! Вы позволите, Эпперли?

– Видимо, у меня нет власти вас остановить.

– Особенно тогда, когда я гоняюсь за сбежавшим преступником, – пояснил сержант, выразительно подмигивая. – Так что, если вы не возражаете, я буду считать, что вы разрешили мне бросить эту дымовую шашку в вашу каюту, мистер Эпперли.

– Полагаю, – сказал Эндрю, – что должен вам уступить. Надеюсь, это не повредит мебель и прочие вещи?

– Нисколько. Эта штука не содержит кислот. Ничего, кроме безвредного дыма, уверяю вас. Никакой опасности.

Сержант приготовился уже швырнуть бомбу в каюту, но прежде, чем он выпустил ее из рук, тонкая, почти бесплотная человеческая фигурка, бесшумная и быстрая, как летящая тень, скользнула из двери каюты, в мгновение миновав сержанта с его людьми, и бросилась через перила. Человек нырнул так глубоко и отплыл под водой так далеко, что не видно было даже, где он вынырнул. Поверхность воды, насколько видел глаз, оставалась гладкой.

Сержант отчаянно завопил:

– Одиночка Джек! Джерри, ты был прав! Быстро спустить шлюпку!

Ему и в голову не могло прийти остановиться и задать несколько вопросов насчет того, как человек, сбежавший от закона, мог очутиться в каюте «Нэнси Лу». Он медленно рванулся к берегу, в том направлении, куда, по его расчетам, поплыл беглец.

Дэвид и Эндрю смотрели, как трое мужчин гребли, а приземистый сержант застыл на носу лодки с револьвером в каждой руке.

Глава 4

Если ты дал слово!..

Два брата следили, как лодка охотников пробиралась к берегу, лавируя меж других судов, видели, как волнение, подобно огню, распространяется вдоль причалов.

– Когда они его поймут... – вслух подумал Дэвид.

– Никогда, Дэйв. Этого парня они никогда не заполучат. Ни этой ночью, ни позже. Они не в силах вернуть его обратно!

– Так подсказывает тебе интуиция? – сухо спросил Дэвид.

– Можешь называть это интуицией, если хочешь. Но разве не странно, что мы не слышим ни звука от Команча?

– Да, странно. Это колокол затрещивал? А вон, видишь, фонари вдоль причалов? Ничего не забыли, до последней мелочи, чтоб поймать этого типа!

– Удачи им не хватает, вот чего. Не будет им удачи, говорю тебе! Давай-ка спустимся и глянем через дверь, что там происходит в каюте.

– А если зверюга выпрыгнет и вцепится нам в глотки?

– Если он выпрыгнет, Дэйв, он ничего нам не сделает.

Он вытащил кольт и показал брату.

– Ты видишь, как я с ним в случае чего управлюсь, малыш? Я не промахнусь по такой мишени, как волчье сердце, если уж Команчу приспичит поспориться с нами.

– Ладно, иди первым. Я не собираюсь добывать славу таким способом!

И Дэвид пошел за братом.

Они спустились по ступенькам к двери каюты, которая была широко распахнута; Эндрю осветил фонарем внутрь и обнаружил весьма странную картину! Там, на полу, лежал огромный пес, и скрученные из разорванной простыни полосы связывали все его четыре лапы вместе, а повязка вокруг головы надежно стягивала челюсти и затыкала пасть.

– Пресвятое небо! – только и мог вымолвить Дэвид. – Он сделал это в одиночку! И тихо! Но ради чего он трудился, связывая волка?

– Я объясню тебе, ради чего, Дэйв, да только ты станешь надо мной смеяться.

– Ну, попробуй.

– Одиночка Джек знал, что, когда он вырвется на свободу, пес побежит за ним, и если на палубе еще будут люди, Команч на пути к воде разорвет им глотки. Так что он обезвредил Команча, прежде чем самому сбежать.

– Энди, ты скоро сделаешь из Одиночки Джека святого!

– Как бы то ни было, факт налицо. Он связал Команча. Если ты найдешь тому лучшее объяснение, скажи мне!

Но Дэвид молчал, лениво подталкивая носком ботинка распростертое тело зверя.

– Ты посмотри, какой в его глазах горит зеленый дьявольский огонь, – сказал он. – Это все тот же Команч. И я, признаюсь, озадачен. Как этому парню удалось его связать? И как он вообще заманил его в воду, чтоб тот спас его?

– Я не собираюсь впадать в мистику и выдумывать проблемы такого сорта, когда их и так более чем достаточно. Но вот что я тебе скажу: это просто еще одно доказательство того, о чем я говорил тебе еще до того, как с Команчем так управились. В этом паршивце есть изрядная доля собачьей крови, и в нем просто проснулись собачьи качества, когда пришлось туго. Как еще можно объяснить это? Он слышит тревогу, видит в воде человека, полумертвого, и уже сама возможность побороться с течением возбуждает Команча. Инстинкт спасения жизни, унаследованный им от предков, начинает работать. В воде он ныряет, отыскивает тонущего

человека и тащит его на нашу яхту, но не потому, что считает ее безопасным убежищем, а просто потому, что это ближайшее более-менее надежное место.

Дэвид слушал и кивал.

– Ну ладно, – сказал он. – Я признаю, что ты более-менее логичен. Но, Энди, в то же время я чувствую, что здесь есть что-то еще. Что-то чертовски таинственное есть во всем этом происшествии! Такой дьявол в образе собаки не мог за две секунды превратиться в ручного песика.

– Ты все еще видишь в этом деле тайну. Но, уверяю тебя, Дэйв, в этом нет никакой тайны. Нужно только видеть факты и следовать логике. Я говорю, что в Команче вдруг вспыхнул инстинкт спасателя. Он не мог не прыгнуть, чтоб не спасти Одиночку Джека Димза, он не мог не позаботиться о нем. А ведь ты знаешь, Дэйв, что даже самые жестокосердые из нас проникаются симпатией к тем, о ком заботятся. Чем, например, объяснить материнскую любовь, как не тем, что мать заботится о жизни, которую произвела на свет? То же произошло и с нашим монстром. Он не мог не волноваться за того, чью жизнь спас.

Дэвид опять слушал и кивал.

– Да, твои слова вполне логичны, – согласился он. – И я бы не высказал на людях то, что думаю. Но все-таки, полагаю, в этом деле есть что-то очень странное. Чрезвычайно странное, Энди! Но Бог с ним.

Надо надеть на пса новую цепь и вытащить на палубу прежде, чем мы снимем с него повязки. Как аккуратно они наложены, точно он старался ничем не повредить псине, когда связывал! Нет, что за чудо! Похоже, волкодав и вправду дал Одиночке Джеку приручить себя – как будто эта собачка пришлась ему по душе! И все в какие-то полчаса!

Он встряхнул головой – в самом деле, даже прагматик Эндрю был потрясен мыслью о том, что произошло. Это действительно выходило за границы допустимого, по крайней мере, того, что мы привыкли под этим понимать.

Братья надели на волкодава новую цепь и перетащили животное на старое место – на палубу, где приспособили что-то вроде намордника на огромную башку, а затем развязали веревки. Несмотря на намордник, Команч звонко клацнул зубами перед самым носом Энди, и тот отскочил, чертыхнувшись. Но зубы пса его не задели. Вскоре братья уже сидели бок о бок на корме, как и раньше.

– Кто бы подумал, – тихо, будто боялся нарушить тишину, стоящую над рекой, произнес Дэвид, – что только несколько минут назад здесь с таким шумом и грохотом палили ружья, завывали сирены, метались прожекторы! Теперь снова все спокойно, словно в могиле.

– Они еще не успокоились, уверяю тебя, – я имею в виду охотников. Они все еще прочесывают доки. Но им его все равно не поймать – ни сегодня ночью, ни вообще... никогда.

– Я тоже так думаю, – согласился на этот раз Дэвид. – Он не из той породы лис, которые могут в один день дважды сбежать и снова попасться. Что ты думаешь о нем, Энди?

– У меня по отношению к нему какое-то странное чувство. Но это потому, конечно, что я теперь знаю, что это Одиночка Джек!

– У меня тоже какое-то странное чувство. Но все-таки что чувствуешь ты?

– Трудно сказать. Отчасти ты уже знаешь что. Когда бы я ни взглянул на него, он был все время мрачен и отворачивался от меня. Но когда я сам отводил взгляд, то чувствовал, что он смотрит прямо на меня и усмехается, – усмехается с превосходством, пониманием, как победитель. Однако я не могу объяснить, что точно имею в виду под этими словами. Это не выразить просто так...

– Думаю, я понимаю тебя, потому что сам испытываю нечто похожее на то, о чем говоришь ты. То есть: когда я его увидел, даже еще не зная его имени, не представляя, кем он мог быть, я почувствовал точно мороз по коже. Когда я смотрел ему в лицо, я испытывал в точ-

ности то же, что чувствуют, когда кто-то ухватится в спину – кто-то опасный... человек или зверь. Как будто холодок пробегает по хребту... понимаешь ли?

– Точно!

– Ну вот, а я это чувствовал, когда смотрел ему в лицо. Как будто их было двое – один передо мной, а один подкрадывался сзади!

– Ты просто высказал то, что хотел сказать я, и у меня было такое же ощущение! Ну а как насчет его лица, малыш? Каким оно тебе показалось?

– Ну, он молодой – то есть скорее хорошо выглядящий. Но я точно не припоминаю его черты. Они как будто расплываются в моей памяти. Одно я знаю: это лицо я тут же вспомню, где бы его ни увидел!

Дэвид помолчал, задумавшись, и кивнул, будто в ответ своим мыслям.

– Знаешь, я кое-что читал об этом. Это затрудняло карьеру Одиночки Джека. Он давно стал бы величайшим в мире преступником, но, как видишь, где бы он ни появлялся, его тут же узнавали. Никто из тех, кто хоть раз взглянул ему в лицо, ни с кем бы никогда его не спутал. И даже его ближайшие друзья побаивались его. Ну а ты знаешь: тех, кого боишься, легко предавать!

– Да, знаю.

– Вот в точности это и случилось с Одиночкой Джеком. Вроде бы он всегда старался честно улаживать дела с теми, кто вокруг, и казалось, что они все равно всегда ему противодействуют. Теперь, взглянув ему в лицо, я понимаю почему. Они слишком боялись его, чтобы принаравливаться к нему. Разве не так?

– И я так думаю, – согласился Эндрю.

– И этот человек был вынужден скользить, словно тень, по миру, делать невозможное, и всегда играть в одиночку, сам за себя, потому что ни разу не встретил живое существо, которому мог бы довериться!

Братья помолчали. Какое-то время спустя Эндрю пробормотал:

– Между прочим, Дэйв, насчет поездки на Запад...

– Насчет чего?

– Ты помнишь наше недавнее пари – если кто-нибудь осмелится положить руку на голову этого волкодава...

Дэвид Эпперли, чертыхнувшись, стукнул кулаком по ладони.

– Будь оно проклято! – сказал он. – Я попался. Ладно, Энди, мы отправимся, когда ты скажешь.

Глава 5

Снова Одиночка Джек

И неделю спустя Дэвид Эпперли отправился вместе с братом на Запад. Он собирался остаться там, может быть, на полгода, а если за это время ему не понравится там, он вернется и продолжит прежнюю жизнь среди своих друзей на Востоке. Ему вообще не нравилась идея этой поездки. Если бы он хотел по-настоящему поохотиться, как он постоянно повторял своему брату, то выбрал бы места, где водятся кое-что поинтереснее волков и антилоп да изредка попадающихся медведей. А так, считал он, это совершенно бесполезная трата времени. Однако Эндрю никогда не отступался от своего, а значит, поездка должна была состояться: чемоданы упакованы, билеты куплены, и долгое путешествие началось. В багажном вагоне ехал огромный пес Команч, который возвращался в родные края, чтобы научиться выть на луну на ранчо Эндрю Эпперли. Но еще в поезде Команч доставил немало хлопот.

В Буффало, когда носильщики, которым щедро дали на чай, вывели огромного пса в наморднике на прогулку, к ним подскочил какой-то человек, сбил одного с ног и вырвал поводок из рук другого. Но в тот же миг, к счастью, на вопли негров сбежалась толпа. Местные охранники бросились к предполагаемому похитителю собаки, и он был вынужден отпустить Команча, чтобы спастись самому. Выхватив револьвер и угрожая, но не сделав ни выстрела, он словно проскользнул сквозь толпу и скрылся.

Братья Эпперли с удивлением обсудили случившееся и в конце концов пришли к выводу, что это, должно быть, был кто-то из цирка. Оба считали, что с Команчем можно сделать отличный номер, если только вокруг будет крепкая решетка.

Так что братья постарались выбросить этот случай из головы, разве что стали побольше платить служащим в багажном вагоне, чтобы те не спускали с собаки глаз ни днем ни ночью. Миля за милей уносились прочь, и Эндрю Эпперли объяснял младшему брату, почему он смотрит на Запад не как на чужую страну, а как на край, в котором он пользуется почти неограниченной властью, и знакомил брата с природой своей империи.

Большие изменения произошли за последнее время на Западе. За многие и многие поколения эта земля заполнилась стадами крупного рогатого скота, который мало что значил в глазах остального мира. Копыта, шкуры и рога могли, конечно, быть использованы. Но мясо и кости пропадали даром. Человек мог убить быка, чтобы зажарить один бифштекс, и преспокойно бросал остальное. Это не считалось грехом, если не пропала шкура.

Десятки тысяч костлявых лонгхорнов бродили по степям и заполняли долины. Лето истощало их. Зима сбивала в кучу, засыпала снегом и убивала многих, словно мух. Но их, как ни странно, становилось только больше.

До сих пор все это мясо бродило без пользы, но наконец инженерные умы вкупе со здоровым духом нации проложили путь через континент, и железная дорога начала вывозить с земель Запада огромное количество мяса. И хотя оно было куда хуже того, что давали вскормленные зерном животные Востока, его было достаточно, чтобы наполнить кастрюли бедняков. А мясо есть мясо, даже когда оно жесткое, как подошва. Так эти бесчисленные беспризорные стада, блуждающие прежде по равнинам, внезапно возросли в цене, и Эндрю Эпперли, приехавший однажды на Запад отдохнуть и поохотиться, понял, какие в этом деле открываются неограниченные возможности. У него было достаточно средств и духа авантюризма. Сам он не разбирался в скотоводстве, но сумел нанять тех, кто знал толк в этом деле. И погрузился в дело с головой. Он еще застал те времена, когда коров в Техасе можно было купить по доллару за голову. Но цена вскоре изменилась. Он увидел быков, за которых просили тридцать пять – сорок долларов. Индейцев загнали в резервации и удерживали там, и эти индейцы хотели

есть. Железная дорога вывозила десятки тысяч голов скота на Восток. Недавно еще крупные скопления скота несколько поразрядились. Рынок закупал немного быстрее, чем мог восстанавливаться источник продукции; таким образом, цена на нее все время сохранялась хорошая.

Разъезжая тут и там и скупая породистый скот, Эндрю Эпперли вскоре заполонил всю страну своими огромными стадами. Он покупал коров на юге по двадцать, гнал их на север и продавал там по сорок долларов. Год от года он делался богаче, удваивая капитал. Вскоре он так разбогател, что перестал вникать в детали и подсчитывать общее количество средств, которыми владел. Все, что ему приходилось делать, – это придумывать новые комбинации, осваивать новые рынки и отправлять туда скот; договариваться о перевозке на большие расстояния и откупаться либо отбиваться от индейцев, от мелких белых негодяев и организованных дельцов.

Поскольку такой огромный и быстрый рост его благосостояния не мог не вызывать зависти, находились люди, которые вредили ему, как только могли. Рынки сбыта были открыты для скота, принадлежащего любому. Наивные вопросы о наличии соответствующего клейма и расписки о продаже не задавались. Востоку нужен был скот; железные дороги стремились наполнить свое русло, а покупатели просто сгребали все стада, которые попадались под руку, не задерживаясь особо на таких мелких деталях, как клеймо.

В те времена велико было искушение. Ловкачу требовалось немного – всего лишь проскакать на лошади через стадо, отделив определенную группу коров, и увести их за собой в холмы. Несколько дней спустя коровы были уже в руках грузоотправителя, а в карман ловкача опускалась пачка купюр в несколько тысяч.

Но это было еще не все. Там и сям появлялись все новые скваттеры; они оседали на земле и без шума приступали к работе со своим лассо и переносными инструментами. Они изобрели свои собственные клейма, просто слегка изменяя клеймо ближайшего стада. От сезона к сезону стадо, принадлежавшее скваттеру, росло с необъяснимой быстротой. Наконец наступал момент, когда он становился достаточно сильным и богатым, чтобы быть честным. Его судьба устраивалась. Отныне он вступал в ряды поборников закона и порядка и смазывал свое ружье, дабы отваживать «проклятых грабителей».

Внимание такого колосса, как Эндрю Эпперли, несомненно, привлекали все эти категории воров. Он терял коров и телят по одной-две штуке в час, а мелкие грабители то и дело отхватывали дюжину, а то и полсотни голов. Потом еще появились и дерзкие бандиты, которые угоняли скот из стада по сотне голов за раз. Но еще большую опасность представляли хорошо организованные, высокооплачиваемые профессиональные подвижные банды, которые брали по пять сотен голов, и, хотя по дороге несли некоторые потери, все равно одна такая партия составляла две-три сотни голов добычи.

Дэвид Эпперли слушал эти рассказы брата со всевозрастающим удивлением.

– Но, Энди, – воскликнул он, – есть же закон в этой стране! Мы платим правительству налоги. Оно должно нас защищать. Ты теряешь чуть ли не половину своих доходов!

– Не обвиняй правительство, Дэйв. Они делают, что могут. Но они не в состоянии поспевать за ростом территории нашей страны и за потребностью в мясе. Закон прокладывает к нам путь, но пройдет еще немало времени, прежде чем он до нас доберется, а тем временем Алек Шодресс разжиреет на мне еще больше!

– Кто такой этот Шодресс?

– Чистейший, откровеннейший, первосортнейший подлец, который всегда улыбается тебе в лицо, посылая одновременно кого-нибудь ударить тебя же ножом в спину. Он буквально вцепился зубами в глотку этой страны и высосал ее досуха.

– Мне уже стало горячо, брат! Расскажи-ка мне еще про этого Шодресса.

– Не стоит, Дэйв. Я везу тебя на Запад, чтоб ты хорошенько проветрился и посмотрел мой край, но я не хочу, чтоб ты ввязывался в мою войну, и попытаюсь справиться с ними сам! Кроме того, рассказывать о Шодрессе – слишком долгое занятие.

Но Дэвид настоял, и рассказать все-таки пришлось...

Александр Шодресс, человек с темным прошлым, объявился на Западе, и вдруг обнаружилось, что он чувствует себя как дома в этой стране, где разводят и воруют скот. Но все же он полагал, что здешняя жизнь далека от райской, а потому стал обеспечивать свою безопасность.

– И как он это делал? – с живым интересом спросил Дэвид.

– Это звучит довольно странно. Сам Шодресс всегда остается в тени, а обстрипывать грязные делишки посылает своих проходимцев и головорезов. Он поддерживает их деньгами и наградами. Если кто-то из них попадает и его сажают в тюрьму, Шодресс нанимает лучших законников, чтоб защитить пострадавшего, и почти всегда добивается освобождения. Если же сделать это не удастся, он может дать взятку тюремщикам, чтоб обеспечить побег. В крайнем же случае посылает небольшую армию, чтоб выволочь своего приятеля из тюрьмы. Главное – он окружен людьми, которые ему верят. Он владеет самой крупной лавкой, самой большой гостиницей, самым посещаемым салуном в Джовилле. Он – неофициальный банкир всего города. Фактически Шодресс и есть Джовилл. Каждый знает, что он мошенник, но никому не хочется об этом говорить. Он прибрал к рукам весь город. Он вежлив и с виду хорошо воспитан, очень много занимается благотворительностью. Нет бедной семьи на сотню миль в округе, в которой бы вам не рассказали, как Шодресс время от времени помогает им. Но никто из них никогда не спросит, откуда берутся эти деньги, и эти люди несказанно удивились бы, узнав, что средства, которые достаются им, их обожаемый Алек Шодресс вытягивает из моего кармана. Они продолжают голосовать за его людей, выбирая их шерифами; он практически указывает закону, он руководит округом, и округ, в общем, доволен этим руководством. Я же – самый крупный земельный собственник в этих краях. Шодресс взял за правило быть безукоризненно честным со всеми, кроме меня, так что у него есть тысяча друзей, восхваляющих его, и один враг, который его проклиняет. Ну, Дэйв, а в нашей стране тысяча голосов всегда перевесит один, и пока он делает то, что хочет, я не могу пошевелить и пальцем против него. Не могу разыскать судью, который вспылал бы желанием выступить за правду против босса Шодресса. Дэвид слушал брата с бессильным возмущением.

– Должен быть выход! – воскликнул он, когда тот кончил. – Право же, Энди, ты забыл, что я юрист. Правда, я особенно не вникал в дело, но, может быть, это как раз и есть мой шанс заняться частной практикой?

– Где? – усмехнувшись, спросил Эндрю.

– В Джовилле!

– Здравствуйте!

– Я серьезно. Энди, меня всегда привлекал пряный аромат опасности, так что позволь мне вместо того, чтобы охотиться на диких зверей, заполучить возможность поохотиться за трудностями, которые я могу встретить в Джовилле!

– Никогда не позволю. Тебя прикончат в первые же пять минут.

– Не смогут. Я докажу им, что порядочный человек может противостоять мошеннику Шодрессу. И в конце концов даже воры предпочтут честного человека. Я встречу с Шодрессом на его собственной территории. Войду в его лавку, салун, гостиницу – и использую все свои знания юриста, чтобы каждый раз противостоять ему в суде. Сначала я, может быть, буду проигрывать. Но позже, когда завоюю уважение людей...

Эндрю Эпперли подался вперед и пристально взглянул в лицо младшего брата.

– Но тебе придется самому отвечать за свою жизнь, – проговорил он мрачно.

– Игра стоит того.

– Ну что ж... тебя или убьют, или ты сделаешься человеком. Ты действительно, Дэвид, хочешь воспользоваться шансом?

– Очень хочу!

Пока продолжался этот разговор, поезд все катился и катился на юго-восток, к Сент-Луису, и ночная тьма превратила поверхность оконных стекол в глубокие, эбонитовой черноты озера, в которых, как в зеркале, отражалась освещенная внутренность вагона.

Дэвид развернул газету. Его мысли были далеко, в той новой жизни, о которой он только что говорил брату. Но вдруг он воскликнул:

– Эй! Смотри, что ты наделал, Энди! Этот твой прекрасный герой, этот Одиночка Джек, черт возьми, объявился в Бостоне! Глянь-ка!

Заголовок занимал половину первой полосы: «В Бостоне ограбили банк, троих застрелили насмерть, и эти убийства приписывают Одиночке Джеку Димзу. Полиция уверена, что только его жестокое сердце и уверенная рука могли так расправиться с людьми».

Поезд замедлил ход, подъезжая к маленькому городскому перрону.

– Должно быть, и в самом деле это он... – согласился Эндрю. – Я готов был побиться об заклад, что его стоило спасать... и, похоже, ошибся. Но если... Боже праведный!

Эндрю застыл.

– Смотри! – прошептал он.

– Куда?

– Вон, рядом с фонарем позади вокзала! Вон тот человек, который оттеснил одного из посыльных...

– А, ты имеешь в виду того худощавого парня в широкополой шляпе?

– Да. Ты видел его когда-нибудь раньше?

– Не думаю. Он вроде ничем не отличается от других.

– Ты так думаешь? Ничего подобного! Присмотрись внимательнее к его походке!

– Ну и что? Такая же, как у всех, разве нет?

– Парень, парень... после того, как поживешь здесь немного, ты научишься лучше использовать свои глаза. Говорю тебе, у него кошачья походка! Погоди-ка – что, черт возьми, он делает? Он направляется напрямик к тем ребятам, что ведут Команча. Гляди, Дэйв, он предлагает им деньги!..

И в этот момент странный незнакомец немного повернулся. Теперь уже у Дэвида вырвался возглас:

– Это Одиночка Джек!

– Это Одиночка Джек! – кивнул Эндрю. – Он пытается подкупить негров. У него полные руки денег – но посмотри на Команча!

Огромный волкодав пришел в неистовство, бешено прыгал и рвался, снова и снова пытаясь добраться до Одиночки Джека. Но это не был приступ ярости: даже на расстоянии брата видели, что огромный зверь просто трясется от радости.

Эндрю и Дэвид уже собрались было вмешаться, независимо от того, какова была Одиночки Джека цель. Но, вскочив со своих мест, обнаружили, что известный убийца исчез с глаз долой, а два носильщика прыгают вокруг собаки, пытаясь ее как-то утихомирить. Эндрю Эпперли показалось, что на лицах обоих было обескураженное выражение.

– Что тут произошло? – спросил Эндрю.

– Мистер Эпперли, – ответил старший негр, – я знать не знаю, чего там в нутре этой собаки, серебро или золото, да только этот джентльмен, он сулил нам чего ни попросим, если только... чтоб мы позволили ему подержать с полминуты этот поводок, чтобы собаку, значит, ему...

– Не беспокойтесь, – сказал Эндрю. – Я прослежу, чтоб вы получили столько, сколько он вам предлагал. Кроме того, прослежу, чтобы начальнику дороги стала известна ваша честность. Однако смотрите в оба и никогда не выводите Команча гулять, если рядом нет людей, которые могли бы вам помочь.

Братя вернулись на свои места в вагоне; лицо Эндрю было озабочено.

– Ты понял, в чем дело? – спросил он брата.

– Я понял, что полиция Бостона лжет. Одиночка Джек никак не мог быть связан с бостонским преступлением и в то же время находиться в Сент-Луисе.

– Это так. Но более важно то, что Одиночка Джек пытается отобрать у нас Команча. Полагаю, нам будет не очень уютно, если этот дьявол станет следовать за нами по пятам!

– Преследовать нас ради собаки?

– Ты же сам видел!

– Господи, да какое может быть дело убийце, которого ищут повсюду, до какого-то пса?

– Не знаю. Не могу объяснить, но сдается мне, что мы не в последний раз видим этого мистера Димза.

Глава 6

Ранчо Эпперли

Они долго еще вспоминали этот случай, прикидывая и так и этак, чтобы как-то объяснить эту загадку. Наконец Эндрю, казалось, нашел что-то похожее на ключ к тайне.

– Этот парень, Димз, – городская крыса. Он, скорее всего, скрывался в тени городских трущоб, но когда увидел Команча, то совсем потерял голову из-за него: никогда раньше ему не приходилось видеть ничего подобного. А спасаясь вплавь, он вверил свою жизнь этому зверю. Потом же, когда выбрался из реки, и позже, он, наверное, думал о том, что произошло, и никак не мог выбросить собаку из головы. Поэтому и возникло непреодолимое желание заполучить этого пса во что бы то ни стало. Это было желание скорее ребенка, нежели взрослого человека. Ты же знаешь, Дэйв, что большинство преступников по своему развитию мало чем отличается от детей. Ему уже не было счастья без Команча – хотя, должно быть, он не представлял себе, что будет делать с этой собакой, когда получит ее. Тайком он выбрался из города, где скрывался все эти дни, и двинул следом за поездом, через весь континент. И первый раз попытался отобрать собаку силой; ему это почти удалось, но удача изменила. Второй раз он попробовал подкупить охранников, но и эта попытка провалилась. Что он придумает еще, трудно сказать.

Дэвид пожал плечами.

– Ты помнишь, – спросил он, – как он зачем-то стремился к тому большому пассажирскому пароходу, который шел по Ист-Ривер?

– Конечно, помню.

– Ну вот, я думаю, что он и сейчас не успокоится, пока не заполучит Команча. Но, скажи, Энди, каков все-таки негодяй! Мы выудили его из реки и буквально спасли его шкуру. А он явился опять и пытается обокрасть тебя, своего спасителя!

Больше они в тот день не говорили об Одиночке Джеке Димзе, но предупредили охрану, что человек, который охотится за волкодавом, отъявленный бандит. И надо стеречь собаку с утроенной бдительностью.

А поезд между тем стрелой мчался на юго-запад. И вот в один прекрасный день они прибыли на конечную станцию. Теперь братьям уже не было нужды смотреть через окно поезда на бурые пустоши, временами затеняемые пыльными смерчами. Они стояли под открытым бледно-голубым жарким небом. Подкатила повозка, в которую они и забрались. Их багаж погрузили в более просторный фургон, и, привязав за сиденьем Команча, они двинулись к ранчо Эпперли.

Бронзовокожий ковбой на пегой лошади легкой трусцой скакал рядом с повозкой.

– Что слышно, Джо? – спросил Эндрю Эпперли.

– Зависит от того, что вы хотите услышать, – ответил тот.

– Давай сперва плохие новости. Как насчет Шодресса?

– Шодресс? Ведет себя тихо как мышка. Вот только три недели назад его ребята угнали одиннадцать сотен голов из Дингла.

– Одиннадцать сотен, говоришь?

– Точно. Они собрались всей шайкой, убили Кристи Бэрра и старого Льюиса. Они подстрелили Лефти и Смита. А после некому было даже проследить, куда они отправились. Они попросту исчезли. Многие из нас пытались выйти на их след. Да куда там! Мы не смогли обнаружить ни следа копыта от целого стада, нашли только одну старую корову, которую задрали волки и уже наполовину обгрызли. Вы же знаете, Шодресс свои дела всегда обделывает аккуратно.

Хозяин ранчо слушал эту историю с бесстрастным лицом. Но его брат тревожно переспросил:

– Погоди-ка, Эндрю! Одиннадцать сотен голов по двадцать долларов за голову...

– По тридцать пять, если быть точным.

– Но, Энди, это около сорока тысяч долларов убытка...

– Вот именно. Развеялись как дым.

– И ничего не было сделано?

– А что можно сделать?

– Нет, но вы точно знаете, что это сделал Шодресс?

– Знаем ли мы! Но как можно с этим бороться? И если мы доведем дело до суда, его будет вести подкупленный судья Шодресса. И его будут слушать присяжные, которых наймет он же. Раз или два прежде мы уже пытались. Но у закона только одна нога, и, увы, когда он делает шаг, только Шодресс может подставить ему костыль!

Чувство юмора старшего брата и его самообладание поразили младшего, Дэвида.

– Как ты умудряешься спокойно сносить такое? – не переставал удивляться он.

– Покер, Дэйв! – коротко ответил старший. – Покер научил меня, как управлять своим лицом и как выжидать, пока мне выпадет нужная карта. Верю, что в один прекрасный день я сам стасую колоду и сдам банде Шодресса такие карты, что с ними будет покончено навсегда, я надеюсь.

– Команч, похоже, не отоцал. – Ковбой кивнул на огромного пса в наморднике.

– Он нашел себе дружка, – пояснил Эндрю Эпперли.

– Да ну! Правду говорите, хозяин?

– Да. Ты когда-нибудь слышал об Одиночке Джеке Димзе?

– Что-то не слышал, чтоб тип с таким именем появлялся в округе, – ответил ковбой.

– Ну ничего, скоро услышишь! – пообещал Эндрю Эпперли и добавил, обращаясь к брату: – Вот она слава, Дэйв! Один из самых известных преступников в стране, а здесь о нем и слухом не слыхивали. Говорю тебе, между Западом и Востоком пролегла граница, и никакие новости через нее не переходят, если они не имеют значения здесь!

– Ладно, а что же тогда, скажи, имеет значение?

– Ну... Сколько воды в прудах летом. Сколько снега выпало зимой. Какие болезни нападают на коров. На какие поля напала гусеница. Кто на днях устроил перестрелку в таком-то городке. Как зовут того парня из Монтаны, что ездит на ворованной лошади в седле Дженнингса, и станцуют ли они танец завтра ночью на перекрестке... Вот такого сорта слухи считаются здесь новостями.

– И не выходит никаких газет? Никаких журналов?

– Выходят, конечно, несколько изданий. Но мы не верим тому, что в них написано. Для нас это все выдумки. И если мы с тобой будем верить тому, о чем там пишут, мы останемся в одиночестве, поэтому лучше уж этого не делать! Взгляни-ка вперед, Дэйв!

– Ну?

– Как только мы перевалим вершину этого холма, увидишь внизу долину.

Они подъезжали к вершине холма, и когда перевалили через его гребень, Дэвид окинул взглядом бескрайние просторы открывшейся перед ним долины, поросшей высокой зеленой травой. В центре этой буйно колышущейся зелени стояло огражденное рядами великолепных молодых деревьев приземистое строение, вольно раскинувшееся по земле.

– Это Каса Эпперли, Дэвид!

Глава 7

Команч залаял!

Столовая выходила одной стороной во внутренний дворик – патио, – а другой – в сад перед домом.

– Чтобы гости не подавили друг друга, разбегаясь, – с улыбкой пояснил Эндрю Эпперли.

Можно было почти поверить в такое объяснение, потому что этим же вечером с каждой стороны длинного стола за трапезу уселись пятнадцать мужчина. Дэвид, Эндрю и управляющий были, пожалуй, единственными из присутствующих, кто мог бы сказать, что принадлежит к «семье». Остальные все пришельцы. Они весело приветствовали Эндрю и с молчаливым интересом приняли к сведению появление Дэвида, бросая на него время от времени оценивающие взгляды. Но после некоторой церемонности в начале знакомства далее дело пошло так непринужденно, будто все всегда сидели на этих самых местах и никто никуда не уезжал.

В середине трапезы, когда количество свинины на вертеле, жареного картофеля, капусты, оладий, кукурузной каши перевалило за центнер, а сливок и кофе – за галлон, в столовую вошел тридцать третий гость, медлительный, смуглолицый человек, который повесил седло и уздечку на один из многочисленных крючков в дальнем конце комнаты и широкими шагами приблизился к хозяину.

Остановившись и опершись спиной о стену, он уронил руки вдоль туловища.

– Меня вроде как время поджигает. Вы не против, если я здесь устроюсь?

– Конечно нет, Уэйли. Ты привязал лошадь?

– Я ее поставил у стойки.

– А я закончил ужинать. Садись на мое место, потому что больше нигде. Я прослежу, чтоб твою кобылу накормили и почистили.

– Будь так добр, Эпперли.

Дэвид подозвал брата.

– Это кто-то из твоих старых друзей? – спросил он, удивившись той простоте, с которой незнакомцу было предложено место хозяина застолья.

– Да нет, это Уэйли, убийца. Он не так давно застрелил четырех человек в Тусоне. Я и не знал, что он сейчас в этих краях.

– Боже праведный, Энди! Убил четверых! И ты не боишься его у себя принимать?

– Боюсь? Да у меня здесь достаточно народу, чтоб вышибить дюжину таких Уэйли к дьяволу и притащить обратно! Но этот человек вошел и повесил свое седло и уздечку на крючок в моем доме. Он попросил убежища и гостеприимства, Дэйв. А такую просьбу в этих краях всегда выполняют. Когда он покинет мой дом, когда выйдет за границу моей земли, в тот момент я уже волен преследовать его, а если понадобится, то и задержать. Могу и пристрелить, если буду достаточно ловок и быстр. Но раз он переступил мой порог, то имеет право просить, чтобы я сделал для него все, что могу, за исключением разве что того, кто объявлен вне закона и требует достать ему оружие и сменить лошадь, но это вообще здесь не принято.

Дэвид, просвещенный братом насчет тонкостей законов на Востоке, обернулся и посмотрел на шумный стол, разговор за которым несколько не утих оттого, что за ним только что появился известный преступник. Напротив, оживление, казалось, даже возросло. Крепкий сидр пошел по кругу, с заставленных подносов снимали громадные глиняные кружки. И веселье за ужином Эпперли становилось с каждой минутой все непринужденней... А во главе стола сидел убийца!

Итак, Дэвид вышел за дверь вместе со своим братом, совершенно ошарашенный увиденным: многие его представления о людях и событиях в этом мире будто перевернулись в его голове.

Он наблюдал за Эндрю, пока тот с величайшей заботой отвязывал от стойки взмыленную дрожащую измученную кобылу, с которой только что слез беглец. Дэвид заметил, что бока лошади покраснели от многочисленных ударов шпор. Эндрю отвел ее в стойло, набросал вилами отборного сена и насыпал в кормушку зерна. Потом кликнул конюха и приказал ему обтереть лошадь, пока та ест.

Наконец Эндрю вышел на воздух вместе с братом.

– Чего ты этим добиваешься, объясни мне наконец? – попросил Дэвид.

– Не знаю. Может быть, и ничего. Или, возможно, если сам когда-нибудь окажусь в бегах, эти люди будут добры ко мне. Или, если ничего не случится, я просто буду спокойно спать по ночам.

– И так ты поступал все эти годы?

– Да, с тех пор, как сделал свой выбор и построил этот дом.

– И, несмотря на все твое великодушие, ты ни разу не смог добиться беспристрастного правосудия? Понимаешь, брат, это плохо характеризует тех людей, которых ты здесь привечаешь!

– Одно дело – гостеприимство, другое – тонкости законодательства. Эти люди не любят закон. У многих из них на то есть причины – причины самые основательные, – чтобы его не любить. Но в то же время они предоставляют мне огромные преимущества. Порядочность никогда не пропадает здесь втуне. Я могу проехать через самые дикие здешние места без ружья и ни разу не подвергнуться ни малейшей опасности. Я люблю этих людей и думаю, что и они меня тоже любят. Эта обоюдная симпатия – вполне достаточная награда для меня за те деньги, которые я трачу, заведя у себя в доме что-то наподобие бесплатной гостиницы, как хочешь это называть. Шодресс и его команда могут вольничать с моим скотом сколько угодно, но они знают, что я жду подходящего часа, чтобы настигнуть их с поличным. Несмотря на это, я могу напрямиком въехать в Джовилл, где Шодресс – царь и бог, и буду почти в такой же безопасности, как в настоящий момент у себя дома. Поверь, я неплохо поработал, чтобы заслужить репутацию, которая позволяет мне так говорить, а на поддержание доброго имени стоит тратить и деньги, и силы. Именно поэтому я могу верить в то, что и ты уцелеешь в Джовилле, если в самом деле собираешься осуществлять здесь свои идеи. Но если бы ты не был моим братом, то и пяти минут бы не продержался в этом городе, едва раскрыл свои карты!

Дэвид слушал брата с величайшим вниманием, и это являлось еще одним доказательством того, что он с этого дня вступил в совершенно иной, отличный от его прежнего, мир.

– Теперь скажи мне честно, Эндрю, – попросил он, – что я должен делать, чтобы выжить в этой части Штатов?

– Скажу в двух словах. Прежде всего забудь про свои светские манеры; помни, что здесь нужно быть простым и честным. Я не хочу думать, что ты притворяешься или задираешь нос. Но там, где мы с тобой появились на свет, – это само по себе уже кое-что значит. Мы фантастически богаты и родом из старинной семьи; мы принадлежим к касте избранных, и потому большинство людей, с которыми мы встречаемся, заранее нам верят. Но стоит нам выйти за границы нашего мира, положение сразу меняется. Здесь о человеке судят по тому, как он себя проявляет в той или иной ситуации. Если он богат или происходит из старинной семьи, это говорит скорее не за него, а против. Здесь ничего не принимают на веру. Здесь при малейшем проявлении тщеславия или манерности презрительно кривятся губы. Ты понял меня, Дэвид? Поэтому будь прост, честен и открыт. Говори с любым человеком так, словно он твой родной брат, – но брат, который нимало не интересуется твоим прошлым величием и твоими будущими успехами. Если ты можешь сообщить что-нибудь важное или интересное – говори. В

противном случае заткнись и молчи, пока тебе не придет в голову нечто такое, что другим стоит выслушать. И помни, что парень, с которым ты разговариваешь, пять минут назад даже не знал твоего имени и что он забудет его пять минут спустя. Самое веское и значительное, что можно сказать о человеке в краю скотоводов, – это то, что он человек порядочный. А это значит честный, но даже больше, чем честный. Великое множество «порядочных» людей, без сомнения, частенько блефуют, играя в покер, и могут иной раз увести коровку-другую ради забавы или ради бифштекса. Но это люди, которые не бросают друзей в беде; это люди, которые не скажут лишнего о тех, кто не может сам защитить свое доброе имя; это люди, которые разделят с тобой последний доллар и последний глоток виски не потому, что ты с ними в дружбе, а потому, что ты в этом нуждаешься. И вот, Дэйв, я надеюсь и молюсь, что меня теперь знают в этой части света как человека порядочного, и, прежде чем ты со мной расстанешься, я хочу, чтоб и тебя считали таким же. А когда один из этих ковбоев, что у меня работают, скажет, что мой брат «парень что надо, это уж точно», я буду знать, что ты прошел испытание и посвящен в рыцари!

– Я постараюсь об этом не забыть, – тихо сказал Дэвид. – Ну, Энди, игра становится потруднее, чем охота на тигра, и она почти так же опасна!

Помолчав несколько минут, Дэвид спросил:

– Это Команч опять на луну воеет или зовет свою стаю?

– У него никогда не было стаи. Он всегда был одиноким волком.

– Должно быть, адски трудно выжить здесь, не имея даже напарника.

– Он один из тех странных полукровок, которые никогда не могут найти себе место, – задумчиво ответил старший брат. – В нем слишком много от волка, чтобы чувствовать себя своим среди собак, и слишком много от собаки, чтобы жить с волками. Он слишком дик, чтобы его можно было приручить, но, может быть, судя по тому, что мы о нем знаем, слишком приручен, чтобы жить на природе как дома.

– Ты делаешь из собаки проблему, – улыбнулся Дэвид.

– Почему же нет? Говорю тебе, Дэйв, я никогда не поверю, что сильный человек может опуститься. Если человек хороший, так он и останется хорошим, и негодяем не станет, сколько бы его жизнь ни была и ни трепала.

– Фу! – сказал Дэвид, который из них двоих был более здравомыслящим. – Ничего подобного. Мало ли что таится в человеке до поры до времени, но жизнь все равно вытащит это на поверхность – и хорошее, и плохое. А потому нечего проливать слезы над волкодавом! Это свирепый зверь, поверь мне, и у него только один способ приблизиться к человеку – вонзить ему зубы в глотку!

– Но, Дэйв, ты же сам видел, как он нянчился с Одиночкой Джеком, словно мать с ребенком!

Дэвид замолчал, улыбнувшись, и ушел в комнату, которая была отведена для него. Он заканчивал распаковывать вещи, когда хозяин ранчо прошел в свой кабинет, дверь которого выходила на отдельную маленькую веранду. Эта открытая дверь служила как бы знаком того, что к мистеру Эпперли может войти любой и поговорить о своих делах.

Едва старший из братьев Эпперли сел за рабочий стол, как на него навалился поток дел и он забыл про время. Сумерки давно перешли в вечер. Ужин – кофе и сэндвичи – принесли ему прямо в кабинет, что стало правилом. Если он не шел к общему столу, то продолжал работать и ночью, беря в свои руки бразды правления, которые порой выпускал даже его опытный управляющий. Но вот снаружи донесся звук, который заставил Эндрю поднять голову от работы и в изумлении прислушаться, потому что это был голос Команча, и он не выл на луну в приступе волчьей меланхолии, а сначала взвизгнул, потом зарычал, потом хрипло тьякнул!

Если бы Эндрю понадобилось кому-то доказывать, что в жилах этого зверя течет собачья кровь, одного этого тьяканья было бы достаточно.

Глава 8

Цена Команча

Весь шум, который до этого дня производил пес, был всегда по какому-то поводу и имел определенное значение. Он рычал, ворчал, огрызался, как затравленный зверь, и все эти звуки были исполнены смысла, а любой опытный траппер мог бы сказать, что стоит за большинством из них. Но лай – это обычно просто лай. В нем может звучать ярость или торжество, или это может быть просто лай ради лая. Но подобной глупости за Команчем прежде, кажется, никогда не водилось.

Тотчас же все собаки в округе, дальние и ближние, хором подхватили сигнал Команча. Потом замолчали в благоговейном восторге, пока жуткий волчий голос звенел в воздухе и пронзительно взывал к луне. Но теперь они вдруг взбодрились и яростно залаяли. Хозяин ранчо, слушая их, не мог удержаться от улыбки.

Он выглянул наружу через открытую дверь и, когда его глаза привыкли к темноте после света лампы, увидел, что тусклые звезды уже обрызгали край небосклона, точно золотая пыль обсыпала темно-синий бархат. Ветерок, временами лениво задувавший в дверь, приносил острый привкус солончаковой почвы. Эпперли закрыл глаза и опять улыбнулся. Потому что перед ним был хороший мир, его мир. Ему оставалось лишь надеяться, что и его не привыкший к работе младший брат сможет выбрать себе в этом новом мире путь, хотя и не легкий, но который сделает из него человека.

Он вернулся к своей работе и вплотную занялся ею, пока не почувствовал, что далекие глаза звезд за его спиной сменились другими, глядящими на него холодно и в упор.

Он поднял голову и подождал, чувствуя, как в жилах стынет кровь. Потом, охваченный внезапной паникой, увидел как раз на границе тени от двери, где слабый свет лампы соединялся с ночной тьмой, два глаза, которые горели жутким зеленым огнем и пристально на него смотрели. И только тут он различил наконец массивные очертания Команча!

Он опустил руку на кобуру револьвера, но пока не доставал его, зная, что, едва он сделает хоть малейшее движение, чудовище тут же бросится на него. И хотя его пуля способна прострелить тело волка, все же, если он не попадет ему в сердце, Команч успеет нанести в ответ несколько смертельных ран. Эндрю Эпперли знал заранее, что в лучшем случае сможет сделать один ответный удар по белым клинкам зубов пса.

Напряжение нарастало с каждой минутой, и он подумал было позвать на помощь. Но чувствовал, что даже слабый крик, даже легкое движение руки могут приблизить жуткую летящую смерть к его горлу.

Так он пережил несколько ужасных мгновений, пока из темноты ночи не раздался вдруг вежливый человеческий голос:

– Я пришел забрать Команча. Но, полагаю, мне сначала следует договориться с вами о цене!

В мерцающий предел светового круга вступила фигура Одиночки Джека.

– Димз! Димз! – воскликнул хозяин. – Входи же, парень!

Преступник скользнул сначала в дверь, потом в сторону от нее, передвигаясь быстро, как боксер. Убравшись подальше от света, который в дверном проеме превращал его в отличную мишень для меткого стрелка, он занял позицию против стены, в углу, из которого мог видеть и хозяина, и открытую дверь, и все опасности, которые, возможно, подстерегали его за ней.

Команч же, который все еще тихонько ворчал, приподняв губу, прокрался вслед за своим повелителем и улегся перед ним, встопорщив шерсть при виде Эпперли.

– Садитесь, – предложил Эндрю, – и расскажите мне, как, во имя всего святого, вы умудрились пройти по открытому месту и добраться сюда? Разве вы не знаете, что вас выглядывают вдоль всей дороги?

Собеседник мрачно кивнул.

– Они охотились за мной, – согласился он, – а я высматривал их; так вот я и блуждал кругами, пока не услышал голос Команча.

Эпперли был бы рад узнать подробности, но чувствовал, что спрашивать об этом бесполезно. Какой смысл задавать вопросы волкодаву, который прижимается к ногам этого странного юноши? В смуглом лице и черных глазах Одиночки Джека он видел или думал, что видит, тот же волчий дух, который заставлял Команча оскалывать клыки. Как парень сумел ускользнуть от погони? Как перебрался через равнину? У кого отважился спросить дорогу?... Но не было возможности получить ответы на эти вопросы.

– А кроме того, что мне нужен Команч, я помнил и еще об одном: что вы помогли ему выловить меня из реки, когда я был без сил. За это я вам кое-что должен, ну и за Команча, конечно. Сколько примерно составит эта сумма?

– Я никогда не беру платы за подобные услуги. – В голосе хозяина послышался вызов.

– Никогда?

– Никогда, – повторил Эндрю Эпперли, чувствуя, что ему трудно смотреть в эти черные, бездонные, непостижимые глаза. В них не было человеческой доброжелательности. В них не было ничего, кроме темной настороженности пантеры. Ни добра, ни зла, только непрестанная бдительность и всегда готовый вспыхнуть охотничий азарт.

«Какими могут стать эти глаза, если этот огонь ярко разгорится?» – вдруг подумал Эпперли.

– Наверное, вам все же стоит поразмыслить. На все есть своя цена, – сказал Одиночка Джек.

– На все?

– Ну конечно! Вы же деловой человек!

– Ну, положим... Сколько, вы считаете, стоит выудить человека из реки?

– Иногда очень много, – все так же мрачно ответил юноша. – Правительство назначило за меня одиннадцать тысяч долларов награды – не важно, за мертвого или живого.

– Мертвого или живого?! – пробормотал хозяин.

– Да.

– Любой человек, который попробует справиться с вами, и ему это удастся, получит такие деньги?

– Да.

– И любой трус, который подползет к вам в темноте и пустит пулю в лоб, получит столько же?

– Да.

– Это жестоко, – сказал Эпперли. – Жестокий порядок!

Собеседник тряхнул головой.

– Я и не просил ничего иного, – сказал он. – Я же не спрашиваю их мнения, когда взламываю сейфы. Много хороших людей разорились, потому что время от времени я добирался до их тайников и уводил ценные бумаги. Так почему бы правительству не назначить цену за мою голову?

Не столько логика этого человека, сколько спокойная убежденность, с которой это говорилось, изумили Эпперли.

– Ну что ж, – согласился он, – если таковы издержки производства...

– По крайней мере, мы с ними играем по-крупному, – сказал Одиночка Джек. – И обе стороны подтасовывают карты.

– Подтасовывают карты?

– Да. Но есть ли что-нибудь, чего бы они не пытались использовать, чтобы поймать меня? Даже подкуп людей, которые, возможно, могли оказаться моими друзьями. Даже яд...

– Не может быть!

– Пусть кто-нибудь назначит одиннадцать тысяч за вашу голову, Эпперли, и увидите, долго ли за вами будут охотиться честно и порядочно! Однако я не возражаю. Я и сам со своей стороны путаю карты. Я сплошь и рядом подкупаю кассиров. Я тасую карты, когда могу. Так что в порядочности мы не уступаем друг другу. От меня они получают то же самое, что я получаю от них. Вербка, чтобы повесить меня, всегда наготове. Но я не питаю недобрых чувств ни к ним, ни к кому-то другому. Не питаю я и добрых чувств ни к кому, кроме...

Он остановился, и опасный блеск, что вспыхнул на дне его зрачков, угас и сменился тенью растерянности.

– Кроме вас, Эпперли! – сказал он. – Вы могли получить эти одиннадцать тысяч долларов, если б захотели, назвав лишь мое имя, – но вы этого не сделали. Почему?

Неописуемое удивление отразилось на лице хозяина ранчо.

– Но, парень, ведь ты был на моей яхте, ты был моим гостем, разве не так?

– Гость, который стоит одиннадцать тысяч долларов? – насмешливо улыбнулся преступник, и его глаза неожиданно вспыхнули.

– Да хоть одиннадцать миллионов долларов! – твердо ответил Эпперли.

– Я понял, – невозмутимо и холодно сообщил собеседник. – Потому что в этом замешана ваша гордость. Это она не позволила бы вам... Ведь так?

– Можешь называть это и так.

– Давайте замнем разговор. – Одиночка Джек Димз говорил очень решительно, хотя ни на грош не верил в честные намерения своего собеседника, да и кого угодно в этом мире. – Замнем это, и я просто прошу вас сказать, какую цену вы хотите за Команча?

– Разве у всего есть цена?

– Вы же деловой человек, – во второй раз повторил собеседник. – И я не собираюсь говорить с вами о пустяках.

– Ты должен заплатить мне, – сказал Эпперли, – за гордость, которую я почувствовал, поймав Команча.

– Это одна статья.

– Еще за долгую охоту, когда я гнался за ним по пятам.

– Ладно.

– Мое время дорого стоит. Я провел двадцать или тридцать полных рабочих дней, выслеживая его.

– Так.

– Я думал, соображал, мечтал, как бы заполучить его. Я вывел на охоту свору собак и видел, как он их убивал. Я провез его с собой по всем дорогам Востока и потратил на него много времени и денег.

– Вполне резонно. Это ваш счет. Подведите же итоги.

– Кроме того, и это главное, – я полюбил эту громадную зверюгу, Димз!

– И с этим я согласен.

– Однако я считаю, что позорно продавать собаку за деньги, – для такого богатого человека, как я, просто стыдно.

– Я оплачу вам и ваш стыд, – пообещал Одиночка Джек.

– Сколько денег ты сможешь вложить в это дело? Я не собираюсь разузнавать, что у тебя в карманах, но что ты будешь делать, если я потребую несколько тысяч?

– Скажем, пять тысяч... или больше?...

– Ну, давай, скажем, пять.

Левая рука мистера Димза скользнула в карман, и на столе перед хозяином внезапно появились пять бумажек по тысяче долларов.

– Надеюсь, с этой минуты мы не будем больше спорить, кому принадлежит Команч? – спросил Одиночка Джек.

Глава 9

Ответ волкодава

Необходимо помнить, что Эндрю Эпперли был не просто деловым человеком, но таким, который привык брать то, что ему нравится, невзирая на цену. Надо заметить, что в те дни деньги значили больше, чем сегодня. Например, за малорослую индейскую лошадку, которая достаточно хорошо выполняла любую обычную в этих краях работу, платили пять долларов. Тридцать долларов стоила хорошо обьеженная лошадь вместе с седлом, а сотни было вполне достаточно, чтоб купить лошадь, в которой уж по крайней мере была щедрая примесь кентуккской породы. За тысячу долларов можно было привести домой чистокровного рысака... А перед Эпперли стоял сейчас тип, который мог спокойно выложить на стол пять тысяч долларов за простого дикого пса!

Это потрясло Эндрю. И не только потрясло. В его сознании будто вдруг распахнулись какие-то двери, и через них проникло совершенно иное представление о Димзе, нежели он рисовал себе раньше. Одного взгляда было достаточно, чтоб понять: в жизни этого парня деньги ничего не значат. И все же он не удержался и серьезно спросил:

– Скажи мне, Димз, что для тебя деньги?

Легкое смущение появилось в глазах юноши, и он ответил столь же серьезно:

– Ну, всякий другой, очевидно, стремился бы их заполучить. Но думаю, что игра в данном случае того стоит.

– Очень хорошо, – сказал фермер. – Пусть будет так. Однако и для меня твои деньги не значат ничего. Я не могу взять эти пять тысяч долларов.

Одиночка Джек Димз пристально взглянул на Эндрю, отнюдь не восхищаясь величиим его души, но, по всему было видно, пытаясь все же отыскать скрытые или, может быть, какие-то низменные мотивы отказа. Он медленно опустил в карман деньги.

– И еще, – добавил фермер. – Знай, я не отдам собаку ни за какие деньги.

Джек Димз слегка улыбнулся. Его явно развеселила мысль о том, что кто-то мог подумать, будто он хоть мгновение рассчитывал на милосердие.

– Прекрасно, – сказал он. – Я догадываюсь, чего вам нужно. Но заранее говорю – я не из тех.

– Не из каких, Димз?

– У вас неприятности, и вы хотите, чтобы я помог их устранить. Ведь так?

– Эх, парень, парень, я и сам справляюсь со своими врагами. Нет, это не так.

Собеседник чего-то явно ждал.

– Правда, есть одно дело, Димз, которое может задержать тебя в этой части страны. Ты в состоянии остаться здесь?

– Куда еще я могу деться с собакой? – мрачно спросил Одиночка Джек. Он бросил взгляд на открытую дверь. – Но если я останусь с ним здесь, – продолжил он, – мне придется бежать от погони в горы. А куда легче скрыться там, где ты знаешь все вдоль и поперек... не то что в горах, которых вовсе не знаешь!

Фермер покачал головой и объяснил:

– Тебе не грозит здесь опасность, разве что сам поставишь себя в опасное положение.

– Меня мало тут знают, ведь так? – спросил Одиночка Джек, и в его слабой улыбке странно смешались тщеславие и уныние.

– Вообще не знают, – ответил фермер.

Одиночка Джек промолчал. Лицо его хранило по обыкновению непроницаемое выражение, но было ясно, что он не питает ни малейшего доверия к тому, что слышит. Эпперли счел нужным пояснить.

– Новости медленно доходят сюда, – сказал он. – Газеты успевают устареть, прежде чем попадут к нам в руки. Самым свежим и то бывает не меньше месяца, так что поневоле привыкаешь читать прессу как древнюю историю. И в этом случае внимание, как водится, привлекают сами истории, но не имена людей. Половина здешних жителей, если спросить их, с трудом припомнят имя нынешнего президента Соединенных Штатов, потому что оно для них не имеет значения. Что имеет значение в краю скотоводов – так это имя вашего хозяина и имена лошадей, на которых вы ставите на скачках. Все остальное считается лишним. Понял меня? И Одиночка Джек Димз со списком отправленных им на тот свет длиной с его руку здесь значит не больше, чем ковбой Джек Димз, если он пожелает начать с этого. А уж только потом, спустя время тебя будут считать таким, каким ты себя покажешь!

Может быть, Эпперли слегка и погрешил против истины, но по крайней мере нарисовал картину, которая привлекла хоть какое-то внимание молодого человека, а это было именно то, к чему стремился фермер.

– Странное рассуждение, – удивился Одиночка Джек. Он смотрел прямо перед собой, но как будто разглядывал что-то. – Очень странное рассуждение, – повторил он. – Вы сами-то хоть наполовину верите в сказанное?

– Целиком и полностью.

– Вы считаете, Эпперли, что я действительно могу разгуливать по улицам коровьего городка и позволять людям видеть мое лицо, такое, как оно есть, каким Бог меня создал?

– Именно так я и считаю.

Димз хмуρο уставился в пол.

– Почему же, ты думаешь, столько тысяч людей сбежали на Запад? Потому что преступления жгли им пятки на Востоке. Но здесь они затерялись. И думаю, не менее половины из них стали достойными людьми. Четверть из них наполовину хорошие, наполовину плохие – это зависит от того, как вы к ним относитесь. Остальные родились плохими и останутся плохими, потому что идут, куда их несет, и сначала делают, а потом уже думают. Большинство из них, по крайней мере.

Димз кивнул.

– Я вижу, вы верите в то, что говорите, – пробормотал он. – Но это, должно быть, очень странное чувство – гулять по улице, засунув руки в карманы... беззаботно... сидеть в доме, не прижимаясь спиной к стене...

Он замолчал, и сильная дрожь сотрясла его тело. На мгновение он стал в точности похож на волка, сидящего у его ног, и, будто почувствовав что-то неладное, Команч поднял голову и посмотрел в лицо своего господина, с легким ворчанием приподняв верхнюю губу и обнажив блестящие зубы.

– Ладно, – вздохнул Димз, – сколько времени пройдет, прежде чем кто-нибудь узнает меня в лицо и получит за хорошую память одиннадцать тысяч долларов?

– Он не будет стрелять тебе в спину, – сказал фермер, – потому что, если он такое учинит, через две минуты будет болтаться на веревке, как бумажный змей, и вздернут этого мошенника его же собственные соседи. Возможно, он не сумеет даже выстрелить тебе в грудь. Уж об этой опасности, я думаю, тебе не придется постоянно беспокоиться.

– Вы все время говорите о каком-то одном человеке.

– Да, так и есть. Мы никогда не позволим двоим напасть на одного. Здесь это не принято!

– Что ж. – Одиночка Джек усмехнулся, и его лицо внезапно и странно просветлело. – Если то, что вы сказали, правда, я смогу прожить ближайшие пять лет в безопасности, какой у меня еще никогда не было!

– Пять лет, парень? Да, может, и все пятьдесят!

– Я не дурак, – тихо сказал Одиночка Джек.

– Сколько ты рассчитываешь пробыть на Востоке?

– Они шли за мной по пятам. Может, пять дней. Может, пять недель. Если повезет, я могу выдержать и целый год. Но трудно в это поверить. За последние девять месяцев они дважды ловили меня.

– Так что ж, ты собираешься умереть?

– Ну нет! Я собираюсь вернуться и сменить руку в игре. Вы же знаете, никто не любит останавливать игру, когда ему везет!

Фермер пристально посмотрел на него. В присутствии этого мальчишки он снова почему-то испытывал чувство полной беспомощности. Ему было доступно многое, но он никогда, как казалось, не смог бы проникнуть в глубину души этого человека.

– Позволь сказать тебе еще кое-что, – обратился к нему Эпперли. – Если будешь поступать как порядочный человек, то сможешь жить здесь очень долго, хоть до конца своих дней. Я верю в это. И к тому же у тебя будет вдоволь дела, причем любого, сколько и какого ты захочешь! Но я бы сказал, что ты прямо сейчас можешь найти себе основное занятие, если примешь предложение, которое я тебе сделаю.

– Я слушаю вас.

– У меня здесь живет сейчас мой младший брат, парень кристально честный, прямой, искренний, открытый. У него сильные руки, острый глаз, он хорошо стреляет и разумен при этом. Получил юридическое образование и обещает сделаться не худшим из юристов. Но за всю жизнь он научился проявлять интерес лишь к одной вещи – его всегда тянуло поучаствовать в большой игре. Теперь наконец у него появилась идея на этот счет, и он ею страшно увлекся: собирается стать поверенным в делах, поехать в Джовилл, принадлежащий грабителю скота Шодрессу, и заняться ведением процессов, которые я и другие скотоводы хотим возбудить против некоторых нечестных дельцов. Но там, в городе, его жизнь не будет стоять и ломаного гроша, хотя он способен сразиться с любым человеком, особенно с ружьем в руках. Но он не понимает, что на Западе оружием владеют с колыбели, совершенствуя свое искусство попадания в цель. Таково большинство здешних любителей пострелять, не то что он, который это делал время от времени. И прежде, чем он проживет хоть день в городе, один из этих умельцев непременно сцепится с ним и прострелит ему сердце еще до того, как он упадет на землю. Ты понимаешь это?

– Да, – спокойно ответил Димз. – Я не раз видел, как это делается.

Эндрю Эпперли не попросил объяснить более подробно. Но он не мог не задуматься, где и когда Одиночка Джек видел, как это делается, и был ли он зрителем или участником подобного действия.

– И вот, – сказал Эпперли, – какова цена, которую я хочу заполучить от тебя, – цена, которую ты должен уплатить мне за Команча и за твою спасенную жизнь, за то, что мы выловили тебя с братом из реки. Ты должен поехать с Дэвидом в Джовилл и попытаться защитить его первые десять дней. После этого, думаю, он сам встанет на ноги, узнает поближе этих людей, и люди узнают его, и, полагаю, тогда ни одна из сторон не будет позволять себе вольности по отношению к другой. Но первые десять дней могут стать роковыми. И говорю вам, Димз, что если вы сможете присмотреть за моим братом в этот весьма критический период, то, весьма вероятно, сохраните миру полезного гражданина, который родится из бесполезного прожигателя жизни!

– Десять дней? – переспросил преступник.

– Столько или около того.

– Это долгий срок... для меня!

– Да. Я понимаю.

– И это плата за Команча? После этого я получу на него все права?

– Точно!

– Фью! – свистнул преступник. – Команч, как думаешь, мне соглашаться?

Чудовищно огромный пес поднял голову и заскулил, прижав уши к голове.

– Слышите? – выдохнул Одиночка Джек. – Он говорит мне, чтоб я принял ваше предложение, и я его принимаю. Но посмотрите на него. Вы и вправду думаете, что он за меня беспокоится, а, Эпперли?

Глава 10

Поймать с поличным!

В разговоре с братом Эндрю Эпперли пришлось прибегнуть к изрядной доле дипломатии. Потому что, когда он предложил, чтоб Одиночка Джек сопровождал Дэвида в качестве телохранителя, чтобы обезопасить от возможных нападений Шодресса и наемных убийц, служащих у этого негодяя, юный брат презрительно скривил губы.

– Я сам позабочусь о себе в любой ситуации, – сказал он. – Прежде всегда сам стоял на собственных ногах и не желаю ни с того ни с сего изменять своим принципам. Что касается оружия, так у меня с собой пара кольтов, и, между нами говоря, последние три дня я постоянно практиковался в обращении с ними.

Эндрю Эпперли не стал спорить по этому поводу. И даже не попытался описать те мучительно прожитые годы, полные усилий, напряжения, когда он сам пытался укротить кольт, в совершенстве овладеть им. И очень не скоро почувствовал, что может, как говорится, «оседлать» его. Ведь, как известно, чужой опыт не учит ничему. Поэтому он сменил тактику.

– Естественно, Дэйв, я хотел бы привести доказательства, которые могли бы убедить тебя в полезности Димза. Но, между нами говоря, я уверен, что он в этом смысле ничего собой не представляет, более того, возможно, даже будет тебе здорово мешать.

– Будет – если я ему позволю, – самоуверенно согласился Дэвид.

– Но, думаю, Дэйв, если бы ты все же взял его с собой, Димз бы понял, что в нем нуждаются. Это могло бы стать той опорой, которая помогла бы ему выбраться из трясины безверия, понимаешь? Ты можешь помочь ему заново родиться, Дэйв!

– Его невозможно переделать, – безапелляционно заявил Дэвид. – Он появился на свет дурным, рос дурным, и ему ничего не остается, как только и умереть дурным.

– Совсем не по-христиански отталкивать человека, не дав ему ни единого шанса!

– Я скорей не во всем буду следовать заветам христианства, чем совсем не буду следовать логике. Это мое окончательное мнение, брат. Одиночка Джек Димз – убийца и негодяй, который заслуживает виселицы. Я не хочу брать его под свое крылышко.

– Но говорю тебе, Дэйв, что, если такой сильный и решительный человек, как ты, не протянет ему руку, он бесповоротно пропал.

Тонкая отрава лести все же проникла в душу Дэвида: он заколебался в своей решимости.

– Но он должен будет в точности выполнять все мои приказы! – воскликнул Дэвид.

– Об этом можно договориться, – сказал Эндрю, хотя почувствовал, что почва вот-вот ускользнет из-под ног.

– Тогда я возьму его с собой и дам ему шанс!

Совершенно безо всякой надежды Эндрю Эпперли отправился к Одиночке Джеку и нашел его лежащим под фиговым деревом и заложившим руки за голову.

Над ним нависла мощная туша Команча – тот оскалил зубы и вздыбил шерсть.

– Фью, малыш! – сказал Димз.

Могучий Команч отступил и улегся головой на лапы, но глаза его, отсвечивающие красным, неотрывно и настороженно следили за фермером. Эндрю Эпперли преисполнился глубокого удивления, видя, с какой быстротой и с каким совершенством этот худощавый юноша привел Команча к полному повиновению.

Вор и убийца перекатился на локоть – на левый локоть, а правая рука, быстрая и сильная, точно змея, осталась, как всегда, свободной.

Взглянув в хмурые черные глаза парня, Эпперли внезапно почувствовал, как бесполезна будет в разговоре с ним любая тонкая хитрость. Поэтому он просто сказал:

– Мой брат затеял игру, не зная правил. Он не хочет, чтобы ты ехал с ним как телохранитель, так он и сказал. И еще сказал, что вообще не хочет иметь с тобой дела, но разве что из сочувствия согласился дать тебе шанс исправиться. Ты будешь получать от него строгие приказы, как себя вести!

Эндрю подождал. Выражение глубоких черных глаз Одиночки Джека ничуть не изменилось.

– Ты пойми меня, Димз. Я сознаю, как это глупо, но не мог не сказать тебе правды.

– Как по-вашему, что я должен делать? Чего вы от меня ждете?

– Чего я жду? Разумеется, жду, что ты откажешься. Но надеюсь, что ты сумеешь смирить свою гордыню, поедешь с Дэвидом и даже позволишь ему покомандовать собой немного.

Сверх всех ожиданий Эпперли, преступник ответил тихо, но голос его был тверд:

– Я поеду с ним и буду делать то, что он скажет.

– Ты действительно так решил?

– Да.

– Знаешь, Димз, ведь этим ты спасешь его жизнь, даже вопреки его гордости. Теперь, если мы договорились, позволь мне устроить вашу с Дэвидом встречу, чтоб вы договорились с ним лично.

– Конечно.

Но договориться с Дэвидом оказалось делом в высшей степени трудным.

– Если ты ухватил крапиву, стисни ее покрепче, – посоветовал Дэвид брату и немедля принял воинственный вид.

Было ясно, что он желает раз и навсегда продемонстрировать, кто именно будет хозяином положения на протяжении последующих десяти дней.

– Все то время, что вы пробудете со мной, Димз, – сказал Дэвид, – вы будете исполнять любой мой приказ, понятно?

Дэвид явно хватил через край. Эндрю Эпперли даже слегка побледнел. Для истинного жителя Запада подобные слова послужили бы достаточным поводом, чтобы немедленно заговорили револьверы. Но, к изумлению Эпперли, выражение лица Одиночки Джека не изменилось. Он молча кивнул.

– И постарайтесь держаться подальше от всяческих неприятностей. Это главное, что вы должны усвоить.

– Очень хорошо, – согласился Одиночка Джек с кротостью, какой трудно было от него ожидать.

– В таком случае, – сказал Дэвид Эпперли, позволив себе торжествующе улыбнуться при взгляде на брата, – мы можем ехать вместе.

В тот же день они отправились в Джовилл, крепость короля разбойников Шодресса.

Они ехали в тряской повозке, в которую была впряжена пара отличных лошадей. К повозке были привязаны три оседланные лошади, а багаж погружен позади фургона, где лежали полдюжины томов по законодательству. С такими скудными боеприпасами юный Дэвид готовился взорвать вражеский бастион!

После его отъезда Эндрю Эпперли еще долго одолевали серьезные сомнения. К тому же в его памяти запечатлелась одна, последняя, деталь картины – и это был не брат, не отъезжающий фургон, а чудовищный волкодав, который скользил вслед за ними, в кустах, в пятидесяти ярдах от дороги. Поэтому Эндрю чудилось, что впереди у его младшего брата опасность, опасность и еще раз опасность.

И его ничуть не успокоило письмо, которое пришло два дня спустя.

«Дорогой Энди. Я в Джовилле, в гостинице Шодресса. Я, конечно, мог бы остановиться в другой гостинице, но подумал, что, приехав прямо сюда, покажу им, что не боюсь. Шодресса нет в городе. А когда он появится, я собираюсь увидеться с ним и выложить открытые карты на стол.

По крайней мере, ни у кого в этом мире не будет повода назвать меня трусом. Когда ко мне приведут первого бандита, обвиняемого в грабеже, я собираюсь взяться за дело со всей возможной твердостью. От первого дела зависит, как будут идти дела впоследствии. Я надеюсь, ты проследишь, чтобы первым человеком, которого направят ко мне, был бы тот, против кого выдвинуты действительно серьезные обвинения. Для начала мне необходимо, чтобы вина его была совершенно очевидной, только тогда я смогу надеяться на благоприятный вердикт здешнего суда присяжных. Ты совершенно прав: они здесь все люди Шодресса и ненавидят даже само имя Эпперли. Когда я зарегистрировался в гостинице, клерк побелел.

В то же время я теперь ощущаю душевный подъем, которого не испытывал многие годы. Это будет великая игра.

Всегда твой, *Дэвид*».

Дальше следовала приписка, точно эта мысль не сразу пришла в голову:

«Насчет твоего Димза. Кажется, я был прав, заняв насчет него твердую позицию. Не важно, каким наглым дьяволом он был на Востоке, в этой новой обстановке он, похоже, совсем не уверен в себе. Он кажется скорее застенчивым, даже боязливым, но делает все, что я ему приказываю. Он не задает вопросов, и сам на чужие не отвечает. Думаю, я могу заверить тебя, что его исцеление уже началось. Но он кажется мне скорее трусливым парнем, и когда он будет спасен, я сильно удивлюсь, если овчинка будет стоить выделки».

Над этим письмом Эндрю Эпперли думал так долго, что даже вспотел. Он не мог поверить в то, что, зная прошлое Димза, его брат может до такой степени бестолково вести себя с этим человеком. Но таковы были факты, как их ни принимай!

Все в этом письме казалось ему верхом глупости и опасности. Поселиться в гостинице Шодресса означало, без преувеличения, отказаться от всякой защиты. Эндрю знал, что Шодресс – не человек чести, ее вообще у него нет, но зато в его подчинении столько людей.

Эндрю чуть было не послал гонца, чтобы спешно отозвать из Джовилла своего брата, но решил по здравом размышлении этого не делать. Во-первых, Дэвид, возможно, не ответит на такой бесцеремонный вызов. Во-вторых, может быть, молодому человеку стоило самому потрудиться, чтобы поумнеть, а это всегда связано с определенным риском.

Так что Эндрю покрепче сжал зубы и приказал себе смириться и ждать.

Но ни на мгновение не проходила тревога за неосмотрительного брата; обуревали думы, в какой форме может проявиться вспыльчивость Димза, с которым Дэвид обращался так безумно неосторожно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.